

3 февраля в Студии «Чистые пруды» при библиотеке им. Достоевского «малым чином» прошел турнир поэтов «Моя Москва».

Читали стихи, рассказывали, что для каждого Москва. И было много неожиданных слов и звуков.

Призы не присуждали. Поили домашним сидром.

Присутствовали ТРИ ЧИТАТЕЛЯ - ЛЮБИТЕЛИ ПООЭЗИИ!!! (не пенсионеры!)

А также поэты:

Эдуард Балашов

Людмила Сурова

Татьяна Кравченко

Наталья Леонидова

Геннадий Калашников

Андрей Галамага

Ирина

Новосельская

Душой с нами был Александр Сорокин и не один.

Интересно было слушать. Может быть, читателю будет интересно читать?

Вот некоторые снимки и некоторые стихи.

(Угадай, кто есть кто?)

ЭДУАРД БАЛАШОВ

Терпи, не забегай вперед.
Всему настанет свой черед,
Иначе нетерпенья ветер
И наступившее сметет.

Выйдя из дому чуть свет,
Ахнул – снега по колено!
Нет ни слякоти, ни тлена.
Воздух радостного плена.
Ослепительный рассвет!

Молодая тишина.
Спит тупик Москвы пустынной,
Приютивший дом старинный.
Не видать следов машины,
Молодая старина.

И тому виною снег,
Что Москва понять не может,
Как по нынешней пороше
Выглядит она моложе,
Постарев на целый век.

А сто лет тому назад,
После схлынувшего лета,
После осени отпетой,
Спешно ставилась карета
В этот час на полоза.

1972.

Сказ о безруком плотнике

Забыль это или небыль-
Не найти концов:
На земле ищи, на небе ль,
В слове ли отцов,
В падах долгих или высях,
В сердце ночи-дня.
Темень-тьма, когда не высек
Искру из кремня.
Где науку обретали-
Куст дорог пылит.
Где разлуку погребали-
Камень-крест болит.
Неизбывными руками
Се претворено.
Залегло молчанье в камень,
И о том оно:
Объявился в мире плотник-
Свет-аргун-избач.
С ним топор да клин – угодник,
Долото и драч.
Где ни ухнет, где ни стукнет-
Тут и терем-двор.
Кто-никто видали, рук нет-
Дело знал топор.
Возводил-творил молебен.
И сочла молва:
Семь небес построил в небе,
Свет седьмой-Москва.
Тем воздал поклон земному
Плотник имярек,
Что по образу седьмому
На смеженье рек
Грудь отбойную воздвигнул-
Да не взыщет враг,-

На семи холмах раскинул
Град в двенадцать врат.
Вытер пот и вышел в поле,
Ветер вдохновил,
Возмутил до суха море,
Китеж подновил.
Да и вся на том потрава,
Вся трава как есть.
На возу уселась слава-
Некуда отвезть.
А пора пришла притину.
И у камня дней
Сладил плотник домовину
Да и зажил в ней.

Прошу, поговори со мной,
Обмолвись ненароком.
Хотя бы взглядом удостой,
Согрей хоть полувздохом.

Такая на сердце тоска –
Весь день без слова прожит.
Поговори со мной, пока
Тебя об этом просят.

Когда я стану пыль-травой –
Пусть на тебе креста нет, -
Поговори с моей душой,
Когда меня не станет.

Татьяна Кравченко

Твой город

Твой город так ко мне неблагоклонен,
Что я своим присутствием боюсь
Нанести обиду гордым колокольням
И фонарям, висящим ниткой бус.

Как доказать мне истину простую
Его витрин литому серебру,
Что на любовь твою не претендую,
Из рук чужих подарков не беру.

Твой город тихой ненавистью дышит
Мне в спину озирается вокзал,
Так ревностно! Скажи ему, ты слышишь,
Скажи, что никогда мне не писал.

Скажи, что мы надежно разминулись,
Скажи, что случай неподвластен нам,
И пусть меня простят ущелья улиц,
И город твой, не верящий слезам.

(1987)

Я в этой картине жила,
Стояла у кромки обрыва.
По соснам стекала смола
И бликами солнце дробила.

Я в этой картине жила,
Не мучаясь праздным вопросом,
Зачем это воет пила,
И стук раздается над плесом.

Поодаль смолили челны,
И день приближался к закату.
И берег святой белизны
Был черной смолою запятнан.

Вода сквозь песок утекла.
Века пронеслись торопливо.
Я в этой картине жила
Сосною у кромки обрыва...

ЛЮДМИЛА СУРОВА

Прогулка по Москве

«Мои стоят, на Спасской бьют и бьют».

Ольга Сергеева

Любой, хоть маршальский мундир!
С любым раненьем гимнастерку!
В любых деньгах!
В любом углу!
Любой матрешки поцелуй!

Ты ль, белокаменная?
Твой раек тебя ли тешит?
Неужто выживем и в этот хитрый раз?

На Спасской бьют, Блаженного окрас
Все тот же, Минин зеленеет над Пожарским,
И «царь» у нас стреляет покурить...
дек.01.

Красавица моя! Как за угол зайдешь
Да как откроются по Яузе мосты -
Заходится душа, неужто ты уйдешь,
С лица земли неужто сгинешь ты?!

Твои холмы торопятся срastись,
Ходами до Кремля изрезано преданье,
И Пушкина, и Лермонтова зданье
Воздвиглись здесь.
В тебя, как птицы, ворвались!

Хоромы площадей с незавершенным сводом,
И улиц, улиц перелесок, перебой.
И барский дом всем греческим народом
Готовый выступить, как только грянет бой.

О, пылкий дух Отечества святого!
Не в блеске куполов его душа -
А в милости сердец, не наказует строго,
И тех, к кому судьба не хороша.

И думать не велит о чужаке худого,
Засмотрится на даль в березовой тоске
И будто спит, иль повторяет слово,
Потерянное в новом языке.

10-17 декабря 2008

Москва Россию предала.
Желает быть столицей мира,
И вызолотить купола
Завет пришельца аж с Памира!

Глава, отрубленная карлой,
Во поле брани спит-храпит,
И кости русские хранит,
Живых стращая лютой карой.

Наедет ли Руслан боец,
Чтоб людям милый град избавить
От карлы, что намерен править
Всем светом, иль ему конец?

Писавши это в двадцать лет,
Не ведал наш поэт великий,
Что сыдут с рукописи лики
И сказочный нам явят бред!

Вот так-то «перья грызть», браток!
Слова как рыбки в сети ловишь
И судьбы Божии готовишь
К свершенью очередью строк! (23.1.10)

ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ

* * *

Поземка тоньше, ветер злей,
как будто я в начале сказки.
Политехнический музей
стоит на склоне как салазки.

Вот-вот скользнет - толкни слегка
(сравнение требует развития)
туда, где Яуза-река
течет в чешуйчатом граните.

Свернется холод в рукавах,
а на Солянке или в Зарядье
как иней соль блеснет в словах
в неповторимом звукоряде.

Многоголосица Москвы,
поющий, акающий облик.
Чересполосица молвы,
цветущих слов горячий отблеск.

Городит сказка огород,
и вот, распахивая ворот,
над снежным городом встает
еще один - звучащий город.

Звучит, растет до облаков
в державной мощи, светлой силе,
как будто сорок сороков
враз, как один, заголосили.

В нем для тебя горит окно
и месяца блестит подкова.
Пускай дорогу замело -
тепло за пазухой у слова.

Ведь в слове копится тепло
и никогда не вымерзает.
Тебя морозом обожгло?
Заговори - гортань отгадет.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Из тьмы троллейбус вынырнул и встал
и вновь умчался с дребезгом тележным.
Как подстаканник круглый пьедестал,
на нем поэт мечтательно-мятежный,
но как бы озабоченный слегка,
что он, как перст, торчит на белом свете,
что оттопырил полу сюртука
весьма кустарно выполненный ветер.
Хотелось бы цитату привести -
жестокий век, надменные потомки, -
но вновь троллейбус, провод сжав в горсти,
мгновенной вспышкой разорвет потемки.
Электровспышка застает врасплох
(вот так на стенд "Не проходите мимо" -
жестокий век! - снимают выпивох).
И мы уже рассматриваем снимок.

Высотный дом из светло-серых плит,
поет цикада родом из Тамани,
нет, не цикада - мелочью гремит
прохожий в оттопыренном кармане.
Хотелось бы задуматься, скорбя,
под шелест лип хотелось бы забыться,
но вновь пронзает воздух октября
электроангел с электрозеницей.
Шуршит листва, как будто дело в том,
чтобы цитату отыскать прилежно,
как будто выдан каждой липе том
с закладкой и пометкою небрежной,
как будто бы цитата подтвердит
весь этот мир, что только с бездной дружен,
а пение электроанид
внесет гармонию в измученные души.
Нога скользит - как зыбок здесь гранит,
разверзлась пропасть - страшно без привычки,
кремнистый путь над бездною блестит,
и здесь поставить надо бы кавычки.
Прекрасен мир с приставкой электро-,
мир без приставки тоже нам приветен.
И вход в метро и выход из метро
как ноздри демона, вдыхающего ветер.

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА,

aagalamaga@gmail.com

НОВЫЙ ГОД

Город лихорадит в нервотрепке,
Вот уже четвертый день Москва
Топчется в автомобильной пробке
С католического Рождества.

Из столицы или из глуши вы,
Всех заморозил ажиотаж,
Сладкий аромат чужой наживы
Заслонен соблазном распродаж.

Ломятся прилавки под товаром.
Господи, дела твои чудны!
Что вчера не нужно было даром,
Нынче нарасхват за полцены.

Это дефицит иммунитета
Нас настиг на дне последних дней.
Где-то в Пензе чают конца света.
Кто их знает, может, им видней.

Может, из предновогодней смуты
Ждет непредсказуемый исход;
Может быть, он вовсе не наступит,
Этот пресловутый Новый год.

И уже ни выгоды, ни проку
Ни к чему не мерить, не считать.
В трех часах от Гринвича к востоку
Полночь поворачивает вспять.

* * *

Над Маросейкой промозглая морось,
Вечер исчерчен рассеянным светом;
Осень московская, не церемонясь,
Всласть упивается властью над летом.

По закоулкам, сквозь сумрак прогорклый,
Кружится бронзовый звон колокольный;
В монастыре на Ивановской горке
Служат вечерню под праздник престольный.

Знать бы, откуда нагрянет напасть к нам,
Стали б пенять на дурную погоду?
День, безразлично – сухой иль ненастный,
Прожитый врозь, отбирает по году.

Много ль отмерено времени впрок нам?
Верить иль нет предсказаньям осенним?
В старых строениях мокрые окна,
Словно пустые отверстия в стенах.

Все-таки вскользь разглядеть удалось мне
Зыбкие контуры тронного зала,
Где, невзирая на зябкую осень,
Ты для меня одного танцевала.

И, красотой твоей девственной тронут,
Мог ли поверить я, – поздно иль рано
Мимо меня ты проществуешь к трону,
Как Саломея с главой Иоанна.

ИРИНА НОВОСЕЛЬСКАЯ

Отчий Дом. Типовая хрущевка
Среди серых таких же хрущевок.
Здесь ночами, сбегаясь из щелок,
Тараканы орудуют ловко.

Голый двор среди разбитых скамеек.
Дверь подъезда скрипучая сольно.
И живем мы, о чем-то жалея,
Будто сердце затронуто больно.

Но – глядящие в небо березы,
Устремленные к солнцу балконы...
И на окна накатятся слезы,
И посмотрят они, как иконы.

Мой дружок, золотая головка,
Что бы нам загадать в эту небыль?–
Отчий Дом. Типовая хрущевка.
Наш Ковчег, отплывающий в небо.

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Я тобой не могу надышаться,
Наглядеться никак не могу:
Стены – будто вздетые пальцы,
И брусчатка – в осеннем снегу.

Не могу, не могу наглядеться.
Ухо чуткое различит:
Где-то здесь мое тайное сердце,
Настоящее сердце стучит.

ЧИСТЫЙ СНЕГ

Уже забелены кресты
На церковке в Замоскворечье.
И свет пролился с высоты
На главку белую и плечи.

Такой нездешний тихий свет
Из глубины, из самых нетей,
На этот снег,
На этот след,
На этот лист, замерзший в небе...

